

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ АЛТАЯ

Далекий от центра горнозаводский Алтай долгое время находился вне поля зрения русской художественной литературы. Первое упоминание о Барнауле мы находим в этнографических очерках, появившихся в начале XIX века в столичной прессе.

Авторы этих очерков — чиновники кабинета и путешественники, побывавшие на Алтае, не могли удержаться от соблазна описать увиденное и поразившее их на далекой окраине Российской империи. По свидетельству В. Вагина «Барнаул уже в 1817 году по своему культурному уровню стоял выше других городов Сибири и отличался образованностью своего общества, утонченностью его образа жизни».

О «прекрасном обществе» Барнаула можно прочесть и в романе В. Соколовского «Двое и одна или любовь поэта», изданном в 1834 году. «В Барнауле, — писал автор, — почти весь круг мужчин состоял из людей, хорошо образованных и, кроме того, многие из молодежи очень и очень не напрасно посвящали свой досуг музыке, пению и театру».

Галопом прокатившись по округу Колывано-Воскресенских горных заводов, авторы подобных описаний судили о жизни Барнаула по роскоши домов горных офицеров, в которых бывали сами, видели их «утонченный образ жизни», но не замечали голода и страданий основных масс крепостных работных людей.

Горькая правда мрачной жизни на Алтае нашла отражение в более поздних произведениях, написанных политическими ссыльными и появившимися местными писа-

телями — выходцами из народа. При всей жестокости цензуры их реалистические произведения объективно рисуют настоящую жизнь Алтая: с нищетой и стоном вольных и подневольных каторжников — с одной стороны, и зверским произволом их эксплуататоров, роскошествовавших царских чиновников и крепостников — другой.

В одном из очерков, печатавшихся в журнале «Отечественные записки» за 1875 год под общим заголовком «Не столь отдаленные места Сибири», автор описывает Барнаул — весь черный от угля и шлака. Устами своего собеседника писатель говорит о преобладании в городе черного цвета: это — цвет горнозаводских дел.

— О благополучии рабочих, — говорит тот же собеседник, — заботятся до того, что они совсем голы остаются... Оттого рабочий и зовется несчастненьким, что уж очень много «заботятся» о его счастье.

Яркие картины старого алтайского рабочего быта мы находим в первой части романа «Около золота», опубликованной в петербургском журнале «Заря» за 1871 год. Роман так и не был продолжен, но в сюжетном отношении это — вполне законченная книга и в 1885 году она вышла отдельным изданием под названием «На Алтае».

Автор книги Леонид Петрович Блюммер был сослан на Алтай в 1866 году, жил на золотом прииске в алтайской тайге и бывал в Барнауле, где происходит действие романа. Его герои — молодой штейгер из рабочих Никита Гурин, забитый и приниженный, но «пьяный на работу» Макарка Перебеднев и другие работяги, которых Блюммер описывает с явным сочувствием.

Демократический характер носили и произведения первых алтайских писателей, посвященные родному краю. Суровая и своеобразно красивая природа Алтая в них сливается с вольнолюбивым мотивом, который слышался в народных песнях, легендах и былях.

В 1825—1826, 1840, 1858 и даже после «отмены» крепостного права — в 1861 и 1868 гг. на Алтае вспыхивали своеобразные народные движения, выражавшиеся в том, что целые деревни бросали пашни и дома и, предводительствуемые «бог вдохновенными» начетчиками, уходили, куда глаза глядят, искать «Белые воды». Границы мифической счастливой земли время от времени отодвигались все дальше от Алтая.

Алтайский поэт И. Глушаков едко высмеял легковерие коробишинских крестьян, поддавшихся на удочку ловких аферистов и распродавших за бесценок все свое имущество, чтобы налегке уйти искать таинственную свободную страну. Вот его сатира на раскольничье «Беловодье»:

Рассказал казак Богданов
Коробишинским крестьянам,
Что в верховьях Енисея
Можно жить, хлеба не сея,
С горя не тужить!

Что места там так богаты
Всякой божьей благодатью:
Зверем, птицею и рыбой,
Что смело бери на выбор,
Живи, не тужи!

Что в полях там много ягод,
Что зараз нарви хоть на год.
А рогатые маралы
И пугливые олени
Сами лезут прямо в сени!

«Что вы киснете здесь, други?
Подтяните-ка подпруги,
Да и марш за мною в путь!» —
Говорил казак лукавый,
Ударяя себя в грудь:
— Славно заживем!

От двухперстного креста
Сгиб давно антихрист там...
Табаку нет и в помине!
Будем вешать на осине
Чаепивцев заклятых!..

«За известье ж это, братцы,
И открытие страны
Уплатить рублей сто двадцать
Вы артелью мне должны...
Вздорная цена!»

И прельстясь страной богатой,
Деревенский наш ходатай,

Сын Евстафья — Михаил
С жаром вдруг заговорил:

«Верно, мужики!
Будет дрыхнуть нам, ребята,
Заживем теперь богато,
Смело двинемся вперед!
Дружно и ура!»

* * *

Загудел крестьянский люд,
Бабы стонут, крынки бьют...
Мужики ходят на воле,
Не хотят работать боле,
Все распродают...

На мирском на сельском сходе
Объявляют о походе
И под верное рученье
Просят дать им увольнение...
И пошла писать губерния!
Все крестьянское имение

Всяк спешит скорей продать,
Чтобы в путь не опоздать,
Сразу порешить!

* * *

Но погиб наш Енисей,
Когда Лямкин Евстигней,
Волостной наш старшина,
Как из ада сатана,
Дело разрушил!

Сообщил он по начальству
(Подивитесь-ка нахальству!),
Что в бродяги мы идем
И семьи туда ж ведем...
Скверно поступил!

Очень долго горевали,
Что пачпортов не давали,
И уверились теперь,
Что в рай заперта нам дверь...
Надо сеять хлеб!

Все работы полевые,
Как и прочие другие,
От спасительных попыток
Принесли один убыток,
Бедствие одно.

Как синица в басне старой,
Одержима бесом славы,
Море вздумала зажечь,
Точно блин в печке спечь...
Дурья голова!

Она моря не решила,
Только славу распустила...
Так и мы с своим походом
Провозились, как с уродом,
Смех лишь завели!

Но о славном Енисее
Вспоминаем и доселе...
Как Адам тужил о рас,
Так и мы об этом крае
Будем тосковать!

Сам Иван Глушаков родился на Алтае в семье крестьянина. Опубликовавший его сатиру на раскольничье «Беловодье» в «Сибирском архиве» (книга 7 за 1912 год) В. Герасимов сообщает некоторые данные о поэте. Он учился в Барнаульском горном училище и в Петербургском технологическом институте, но курса не окончил и был выслан на родину, вероятно, за либеральные высказывания. После этого Глушаков устроился на Алтае сельским писарем в селе Коробиха, где, в конце концов, спился и погиб.

По сообщению Герасимова, Иван Глушаков написал много стихотворений, которые «по красоте и проникающему их чувству могли бы сделать честь первоклассному поэту». Стихи эти до нас не дошли. Страшная социальная действительность алтайской вотчины русских царей сгубила Глушакова, как и многих других талантливых людей, выбившихся из народа.

«Отцвел, не успев расцвести» автор прогрессивного романа «Николай Негорев или благополучный россиянин» — Иван Афанасьевич Кушевский. В романе он

обличает ренегатство части интеллигенции, играющей в либерализм, зло высмеивает мещанскую сущность перерожденцев и со всей горячностью ратует за революционное движение. Пользовавшийся большим успехом, особенно у революционной молодежи, роман принес его автору всероссийскую славу. Имя И. А. Кушевского было очень популярным в семидесятых годах прошлого века, как одного из крупных русских писателей-разночинцев. Высокую оценку его творчеству давали такие взыскательные художники слова, как Н. А. Некрасов, В. М. Гаршин и позже — А. М. Горький.

До последнего времени биография И. А. Кушевского оставалась мало изученной. Не было установлено даже место рождения писателя — предполагали не то Ачинск или Тобольск, не то Барнаул или Томск. А в последнем сборнике «Маленьких рассказов» (Новосибирское областное издательство, 1937) автор предисловия безапелляционно утверждает, что Кушевский вообще не является уроженцем Сибири, а пробыл здесь несколько лет в политической ссылке.

Обнаруженные в Алтайском краевом государственном архиве материалы кладут конец различным кривотолкам биографии писателя.

Иван Афанасьевич Кушевский родился в Барнауле в 1847 году в семье титулярного советника, служившего мелким чиновником Алтайского горного округа. По окончании Барнаульского горного училища он поступает в Томскую гимназию, а в 1866 году отправляется в Петербург, рассчитывая продолжить образование в университете.

Действительность разбила эти расчеты. Неимущему юноше с Алтая без знакомств и помощи влиятельных особ поступить в университет оказалось невозможным. Очутившись в столице без копейки денег, будущий писатель вынужден был наниматься то чернорабочим, то кузнецом, то грузчиком.

Началу литературной деятельности И. А. Кушевского, как это ни странно, помогло... заболевание тифом. Об этом он вспоминал позднее:

«Больница излечила меня от тифа и от моих глупостей.

Рядом со мной лежал какой-то жалконький сотрудник «Петербургского листка». Он был человек добрый и

по-больничному денежный. Раз, к великому моему удивлению, я узнал, что он получает за свои литературные работы 15; а то и 20 рублей в месяц.

Подумав о литературе, я как-то вдруг вдохновился... Как бы то ни было, я раздобылся у фельдшера бумагой и принялся за работу. Через неделю был готов этнографический очерк и с великими хлопотами отправлен в редакцию одного ежемесячного журнала, теперь уже не существующего, но до шестьдесят шестого года занимавшего первое место в русской литературе. Я так уважал этот журнал, что отправил туда свое сочинение как будто на смех, в полной уверенности, что там такую дрянь выбросят в помойную яму. Каково же было мое счастье и удивление, когда я получил письмо следующего содержания: «Ваш очерк будет напечатан. Потрудитесь известить, где и когда можно с вами видаться, чтобы переговорить об условиях гонорария. Если вам нужны деньги, потрудитесь также упомянуть об этом, чтобы я захватил с собою номера».

Он — сам, он — тот гений, сочинения которого я знаю наизусть, которого я боготворю, увидав которого, вероятно, паду к ногам и слижу ему всю ваксу с сапог — сам он собственноручно пишет ко мне: жалкому, убогому и ничтожному!

Меня просто трясла лихорадка...

Едва ли менее меня был обрадован этим письмом мой сосед по кровати — обличитель.

— Покажите, голубчик, покажите! — молился он, когда я прятал письмо, показав ему в двести двадцатый раз:

Он брал письмо великого поэта и покрывал его горячими страстными поцелуями: оно цело и теперь у меня, но подпись слизана — все он слизал своими поцелуями.

— Ломите сразу десять рублей вперед — дадут! — внушал он мне.

Я не заломил десяти рублей, а просто написал, что очень нуждаюсь в деньгах, и — чем дадут их больше, тем для меня лучше. — Дурно я помню ту сцену, когда он приехал... У меня текли по щекам невольные, неудержимые слезы, и я не воспользовался его протянутой рукой — не осмелился протянуть свою... Я говорил все без исключения глупости; он вручил мне двести рублей и уехал...»

Этой щедрой по тем временам суммы, врученной Н. А. Некрасовым, хватило Куцевскому ненадолго. «Вдохновившись» литературой, он сблизился с петербургской богемой и быстро израсходовал свой первый гонорар. Пришлось заняться литературной поденщиной. Но гонорара не хватало на жизнь и Куцевский по-прежнему продолжал работать грузчиком.

Однажды, работая на Неве, он упал в воду, простудился и опять слег в больницу. Больной, в ужасных условиях, он здесь продолжал писать задуманный раньше свой замечательный роман.

По воспоминаниям Н. Е. Каронина-Петропавловского, приведенным А. М. Горьким в сборнике «О литературе» (Москва, 1955 г.), Куцевский в больнице жаловался фельдшеру:

— Жить я не буду все равно, но мне необходимо написать роман, вот вы и помогите в этом — дайте мне свечку. Днем писать запрещено и мешают, значит надо писать ночью, а без свечки — темно, понимаете? — Он у всех просил свечек, но думали, что это бред и не давали ему огня, он вымаливал огарки на свои больничные порции, голодал и писал, а однажды взял казенную свечу из ванной комнаты, это заметили и отняли свечку у него, а он — плакал! И все-таки написал роман...

Роман написан в форме автобиографических записок «благополучного россиянина» Николая Негорева. Это — умный и циничный карьерист, наблюдающий окружающих его либеральных болтунов из светских гостиных и метко высмеивающий их в своих записках.

В ту пору, по мере обострения классово-борьбы, большинство либералов из среды буржуазной интеллигенции отказалось от роли оппозиции и перешло на путь сговора с правительством. Став официальными или неофициальными союзниками самодержавия, представители казенного либерализма эпохи «реформ» 70-х годов оказались в лагере противников демократии и зарождавшегося народнического движения.

Среди героев романа, в противоположность либералам новой формации, выведена и фигура народника Оверина, не терпящего фальшивых либеральных слов, которые служат самоуслаждением для сытых бар, жаждущего дела, революционного действия.

В любовно, с явным сочувствием выписанном образе

Оверина — много автобиографического, показаны симпатии и политические взгляды самого Кущевского.

Напечатанный в «Отечественных записках», роман «Николай Негорев или благополучный россиянин» был тепло встречен читателями и принес талантливому автору широкую популярность и славу. Но и после этого Кущевский продолжал жить в нужде и лишениях и, надорвав свои силы в борьбе за существование, 12 августа 1876 года умер в возрасте 29 лет.

Кроме романа И. А. Кущевский написал много рассказов, очерков и фельетонов, изданных после смерти писателя отдельными книгами — «Маленькие рассказы» и «Неизданные рассказы».

В таких рассказах, как «Сеятель пустыни», «Два нигилиста», «Либеральный барин» и «Земский деятель», Кущевский продолжает развивать тему романа, ярко изображая борьбу старого и нового поколений («отцов и детей»), со злым сарказмом разоблачая всю фальшь буржуазно-помещичьего либерализма.

В других рассказах Кущевский изображает бесправное положение женщины («Бедная Лиза», «История швеи», «Тяжелая жертва»), характеризует глубокие противоречия общественного строя своей эпохи: произвол над «низшим» податным сословием и привилегии дворянства («Варадат», «Самоубийца»). Все эти рассказы — острые по своей социальной направленности, благодаря своим художественным достоинствам читаются с увлечением и сегодня.

Алтай, где писатель провел свои юношеские годы, мало отражен в его произведениях. Для алтайского читателя особый интерес поэтому представляют немногие страницы романа «Николай Негорев или благополучный россиянин», на которых, по воспоминаниям автора, описываются его годы учебы и постановка дела народного просвещения в Сибири.

До сих пор, на протяжении более 80 лет, перу И. А. Кущевского приписываются и упоминавшиеся выше очерки под общим названием «Не столь отдаленные места Сибири», которые механически включались во все изданные сборники произведений писателя. Этому в значительной мере способствовали долгое время остававшиеся незаполненными белые пятна в его биографии. И сами очерки, написанные от первого лица, в виде путе-

вых зарисовок и носящие автобиографический характер, запутали многих биографов Кушевского.

Очерки были опубликованы в седьмой книге журнала «Отечественные записки» за 1875 год под псевдонимом «Хайдаков». Расшифровал этот псевдоним, приписав его А. И. Кушевскому, автор некролога о нем в журнале «Пчела» (№ 15 за 1877 г.). Но последний ошибся.

«Хайдаков» — чужой псевдоним, ошибочно приписанный И. А. Кушевскому, ввел в заблуждение его ранних и последующих биографов, составителей сборников произведений писателя и даже такого достойного доверия старейшего советского библиографа, как И. Ф. Масанов — автора академического издания «Словаря псевдонимов». Вместе с ним были введены в заблуждение и несколько поколений читателей И. А. Кушевского.

Автор очерков «Не столь отдаленные места Сибири» начинает их следующими словами: «Когда дело мое, за которое я попал в Сибирь, выяснилось и мне дозволили возвратиться в Россию...»

Читателя эти слова настораживают. Когда Кушевский уезжал из Сибири, ему было всего 19 лет. Если допустить, что он являлся автором очерков, то надо учесть, что на выяснение указанного «дела» требовался какой-то срок и немалый, ибо царские департаменты, как известно, не спешили обычно с разбором апелляций, осужденных на политическую ссылку в Сибирь. Поэтому к моменту самого возникновения «дела» Кушевский должен был быть совсем юнцом.

Раньше, когда его биография до начала литературной деятельности не была хорошо известна, правдоподобие такой версии не вызывало сомнений. Но сейчас точно установлено, что Кушевский родился в Барнауле, учился в Томске и только в 1866 году окончил там гимназию. До этого он никуда не выезжал из Сибири и поэтому он не мог «возвратиться в Россию», где раньше не бывал, да и не нуждался в «дозволении» на поездку в Петербург, т. к. это ему не запрещалось.

В очерках есть много и других деталей, которые подтверждают сомнения насчет приписываемого им авторства Кушевского и больше того — опровергают такую возможность. Автор очерков пишет о своем первом знакомстве с Барнаулом — Кушевский же вернулся из Томска в родной город, где вырос и учился. Автор очерков

вместе с возницей остановился в Барнауле на постоялом дворе — Кушевскому незачем было искать место для ночлега в городе, где жили его родители с семьей и близкие родственники. Автор очерков пишет о Барнауле: «Маленький городок был очень роскошен; я не воображал себе таким даже голландского города негоциантов, Брука, где на улицах есть паркет и где никто не ездит в экипажах» — Кушевскому не с чем было сравнивать Барнаул, ибо он нигде не был, кроме Томска.

Кто же автор очерков «Не столь отдаленные места Сибири»? Кто скрылся под псевдонимом «Хайдаков»?

Вероятнее всего, это — Леонид Петрович Блюммер (1840—1888 гг.), автор романа «На Алтае». Дореволюционная справочная литература дает о нем такие сведения: выходец из дворянской семьи, Блюммер получил разностороннее образование и владел несколькими иностранными языками. Он жил за границей и даже выпускал там русскую газету, за что при возвращении в Россию был выслан на Алтай. Дело его действительно было пересмотрено, после ссылки в 1871 году ему разрешили вернуться и проживать в столице.

На алтайском материале Л. П. Блюммер написал роман и целый ряд рассказов («Фальшивая бумажка», «Слуга» и др.) о жизни золотопромышленников. Кстати, и в очерках «Не столь отдаленные места Сибири» основное место отведено описанию истории сибирского золота, жизни и нравам золотых приисков. В произведениях Л. Блюммера мы находим много страниц, схожих с этими описаниями в очерках. Кушевскому же золотая промышленность была незнакома и на эту тему он ничего не написал.

Роман И. А. Кушевского был переиздан в 1917 и 1937 гг. Несколько изданий выдержали и его рассказы. Произведениям Л. П. Блюммера менее повезло — они оказались незаслуженно забытыми, как и сам писатель.

Первые писатели Алтая выступили против всего затхлого, своекорыстного, мешающего расцвету человеческой личности. Пусть это был только литературный протест, но и это уже дает им право на благодарную память потомков.
